

ВАЛЕРИЯ ТАРАСОВНА ВЕРЕД

кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0986-0229; vered_vt@pfur.ru

БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

А н н о т а ц и я . Исследуется коммуникативный потенциал русских безличных конструкций во внутриязыковом и межъязыковом (переводном) аспекте. Актуальность заявленной темы заключается в том, что в большинстве работ, проводимых в русле когнитивного направления, преобладает анализ лексико-семантических средств языка, а грамматические явления отодвигаются на второй план. Особое внимание в статье уделяется функционально-семантической нагрузке категории безличности в русском языке. Безличные предложения описываются на фоне английских переводных эквивалентов (на материале произведений И. С. Тургенева, вошедших в переводной сборник С. Garnett «Dream Tales and Prose Poems»). Выдвигается и доказывается гипотеза о том, что безличные конструкции, в которых предикатом выступают личные глаголы в безличной форме и безлично-возвратные глаголы с постфиксом *-ся*, соотносимые с аналогичными беспостфиксными (активными) глаголами, составляют коммуникативное ядро категории безличности. Наличие подобных конструкций свидетельствует о коммуникативной потребности «спрятать» субъект действия и описать ситуацию как произвольную, саморазвивающуюся, довлеющую над субъектом, в которую последний непосредственно не вовлечен и присутствует лишь как реципиент. При переводе на английский язык большинство русских безличных конструкций подвергается значительным трансформациям, что приводит к редукции смысла, а семантика безличности может быть лишь частично компенсирована с помощью лексических средств. Делается вывод о принципиальной роли русских безличных конструкций в концептуализации действительности и кодировании культурных смыслов, наиболее важных для носителей языка на данном этапе исторического развития.

К л ю ч е в ы е с л о в а : безличность, языковая картина мира, функциональная грамматика, семантика, прагматика, сопоставительное языкознание

Д л я ц и т и р о в а н и я : Веред В. Т. Безличные конструкции как отражение языковой картины мира // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1236

ВВЕДЕНИЕ

Понятие языковой картины мира, восходящее к идеям немецкого романтизма и представлений В. фон Гумбольдта о «духе народа» и самобытности каждого этноса, получило в XX веке дальнейшее научное обоснование в гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, а в XXI веке стало отправной точкой в лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и смежных с ними дисциплинах.

Тезис о том, что мышление и культура народа детерминируются его языком, является общепризнанным и не требующим доказательства в современном языкознании. Представители разных научных школ (А. Д. Шмелев, А. А. Зализняк,

Ю. Л. Воротников, В. И. Карасик, Н. Л. Чулкина, М. В. Пименова, Т. А. Светонослова и др.) пришли к выводу, что язык накладывает своеобразную понятийную сетку на мир и диктует нормы поведения в социуме. При этом один и тот же элемент общечеловеческого опыта может по-разному фиксироваться в национальных языках и обладать неодинаковой степенью ценности.

Цель работы – установить коммуникативный потенциал русских безличных конструкций во внутриязыковом и межъязыковом (переводном) аспекте. Актуальность заявленной темы заключается в том, что в большинстве работ, проводимых в русле когнитивного направления, преобладает анализ лексико-семантических средств языка,

а грамматические явления незаслуженно отодвигаются на второй план. Осознанный подход к пониманию грамматических различий с точки зрения их функционально-семантической нагрузки позволит более осмысленно осваивать как родной, так и иностранный язык.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ БЕЗЛИЧНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматика, по замечанию А. Вежбицкой, является концентрированной семантикой и служит не просто инструментом для воспроизведения мыслей, она сама формирует мысль и

«воплощает систему значений, рассматриваемых в данном конкретном языке как особенно важные, действительно сущностно необходимые при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в этой действительности» [5: 44].

С этим положением соглашаются и представители Московской семантической школы. Так, Ю. Д. Апресян уточняет, что реконструировать языковую картину мира можно не только посредством привлечения данных лексико-семантической системы, но и через призму грамматических форм и категорий, словообразовательных средств и синтаксических конструкций языка [1].

Одной из универсальных синтаксических категорий является категория личности-безличности, присущая большинству языков мира. Однако в разных языках данная категория репрезентирована по-разному. Исследование структурно-семантических параметров безличных предложений может пролить свет на внутренние закономерности развития и функционирования конкретного языка, а также на логику мышления его носителей. В этом смысле нам близка позиция Н. Д. Арутюновой, полагающей, что «безличные предложения фиксируют когнитивные модели, сформировавшиеся в национальном сознании и соответствующие прототипическим положениям дел» [3: 806].

Сопоставляя русский и английский синтаксис в области личности-безличности, А. Вежбицкая отталкивается от двух разных «подходов к жизни»: активного и пассивного. Первый подход, по ее мнению, характерен для носителей английского языка и эксплицируется через номинативно-субъектные конструкции, второй свойствен русскоговорящим и выражается в обилии безличных дативных конструкций [6]. Однако искать корень грамматической безличности в национальных чертах справедливо лишь с некоторой долей условности.

Интересны взгляды З. К. Тарланова на природу русской безличности. Исследователь свя-

зывает многообразие безличных конструкций не с пассивностью русского этноса, а с усложнением и обогащением познавательного опыта, с интеллектуализацией языка и «тенденцией к объективированию и объективизму» [12: 12]. Говорящий, располагая более богатым арсеналом языковых форм и конструкций, способен точнее нюансировать описываемую ситуацию. Наличие в русском синтаксисе и личных, и безличных предложений свидетельствует о «гибкости, богатстве, объемности, открытости этнического видения, этнического осмысления окружающей действительности в ее многообразии» [11: 186].

Рассмотрим подробнее семантико-синтаксическую организацию безличного предложения в русском языке. Под безличными предложениями в русской грамматике традиционно понимается такая синтаксическая структура, в которой главный член выражен особой глагольной формой (структурная схема – Vf 3s), при этом субъект, являющийся носителем предикативного признака, формально отсутствует. Важное замечание делает А. М. Пешковский: «С внутренней стороны эти предложения можно определить как предложения, в которых подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли» [9: 343].

Истинно бессубъектными предложениями являются конструкции с предикатом состояния окружающей среды: *Штормит. Подморозило. Громыхнуло*. Ю. С. Степанов называет такие предложения «безличными сильной степени» [10: 220], поскольку субъект не выделен из окружающего его фона. Предложения, в которых субъект выделен неотчетливо, относятся к разным семантическим типам безличных конструкций. Сопоставим два высказывания: (1) *Где ты носился?* (2) *Где тебя носило?* Первое предложение является подлежащно-сказуемым с агенсом *ты*, а второе – бесподлежащим, в котором косвенное местоимение *тебя* выполняет семантическую роль пациенса. Агенса, как неизвестная причина явления, выраженного в глаголе, устраняется. Интересно, что при трансформации предложения в двусоставное *Где тебя нелегкая носила?* идея некоторой высшей силы, довлеющей над человеком, воплощается уже лексически – существительным *нелегкая*. Аналогично в конструкции (3) *Его водило из стороны в сторону* не приходится рассматривать косвенное местоимение в качестве агенса, то есть инициатора действия, контролирующего данный процесс или состояние. Однако необходимо принять во внимание возражение Г. А. Золотовой,

не признающей бессубъектными (безличными) предложения, в которых «говорится о состоянии лица, о признаке, который вне лица, вне носителя его не может существовать» [8: 109]. Учитывая данное замечание, мы вправе заключить, что в конструкциях с личными переходными глаголами в безличном употреблении (*носило, водило* и под.) прямой объект в позиции перед предикатом выражает и субъект состояния, и одновременно «объект бессубъектно представленного действия» (термин из «Граматики-80»).

Проанализируем следующую пару: (4) *Мы не ладим с соседями* (5) *У нас не ладится с соседями*. Оба высказывания описывают одну и ту же ситуацию, но с разных коммуникативных ракурсов: в первом предложении субъект, выполняющий синтаксическую роль подлежащего, выступает активным творцом действительности и подчиняет мир себе; во втором – субъект, выполняющий синтаксическую роль дополнения, становится косвенным участником событий и подчиняется внешним обстоятельствам, которые не в силах изменить.

Возможность устранять подлежащее из предложения позволяет говорящему по-разному характеризовать семантический субъект. В личных предложениях семантический субъект и грамматический носитель предикативного признака (подлежащее) совпадают, тем самым роль активного действующего начала грамматически подчеркивается. В безличных предложениях семантический субъект, представленный формами косвенных падежей, выполняет функцию дополнения, то есть второстепенного компонента синтаксической структуры, тем самым он выводится за пределы предикативного ядра, а его роль в передаваемой ситуации коммуникативно ослабляется.

Итак, безличные конструкции в языке вторичны, и развились они из двусоставных предложений в результате абстрагирования и отвлечения действия от конкретного деятеля. Продуктивность данного процесса в русском языке велика, что обусловлено, во-первых, коммуникативными потребностями самих говорящих, а во-вторых, гибкостью русского предложения – синтетическим строем и относительно свободным порядком слов.

В английском языке, напротив, односоставные конструкции представлены очень ограниченно. Аналитический строй и твердый порядок слов сдерживают синтаксическую перестройку предложения и требуют материально выраженных

подлежащего и сказуемого. В. Д. Аракин в качестве специфической черты английского безличного предложения называет обязательный формальный показатель – наличие подлежащего *it* [2]. В. В. Гуревич предлагает отказаться от термина «безличное предложение» в английском языке, поскольку считает, что

«вряд ли есть смысл вообще выделять в английском синтаксисе безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения как какие-то особые структурные типы – они различаются лишь значением подлежащего» [7: 162].

Соответственно, остается открытым вопрос, возможно ли при переводе русских безличных конструкций на английский язык добиться полной эквивалентности и коммуникативной равнозначности текстов оригинала и перевода или все же «каждая культура в процессе взаимодействия сохраняет за собой право на собственную аутентичность, “непрозрачность”» [4: 186]?

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ТИПОВ РУССКИХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ИХ ПЕРЕВОДНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Обратимся к конкретным примерам и проведем сопоставительный анализ основных семантико-синтаксических типов русских безличных предложений и их возможных английских эквивалентов (на материале произведений И. С. Тургенева¹, вошедших в переводной сборник С. Garnett «*Dream Tales and Prose Poems*»²). Результаты подобного контрастивного анализа позволят выявить, какие национально-специфические смыслы кодируют безличные конструкции в русском языке и как эти смыслы транслируются в принимающий язык.

Безличные конструкции аккумулировались методом сплошной выборки (110 глагольных форм), количественный анализ данных продемонстрировал, что наиболее распространенными типами оказались конструкции с личными глаголами в безличном употреблении (66 единиц), а также глаголами с постфиксом *-ся* со значением безличности (43 единицы). Встретилось употребление одного собственно безличного глагола. Семантика личных глаголов, употребленных в безличной форме, претерпевает изменения: на первый план выходит описываемый процессуальный признак, состояние, а производитель, каузатор действия затумешивается.

(1) *Гложет мне сердце... да и ну!* (И. С. Тургенев).
My heart is gnawing at me... so it is! (С. Garnett).

В переводном варианте объект – существительное *сердце* – занимает позицию семантического и логического субъекта, и предложение преобразуется в типичную двучленную структуру. Прагматическое содержание высказывания меняется: неизвестной природы сила, порождающая состояние, названное глаголом *гложет*, воплощается в конкретном предмете.

В художественном пространстве И. С. Тургенева личные глаголы в безличной форме активно используются для воссоздания пейзажа и настроения героев.

(2) *На меня веяло крепительной свежестью, как от большой реки, и пахло сеном, дымом, коноплей* (И. С. Тургенев).

A breeze was blowing upon me, fresh and invigorating, as though from a great river, and there was a smell of hay, smoke and hemp (C. Garnett).

В предложении сочетание безличной глагольной формы с творительным стимула *свежестью* фиксирует положение дел, характерное для некоторого воспринимающего невыраженного участника ситуации. Субъектом восприятия (экспериенцером) выступает дополнение *на меня*. В английском варианте оригинальное русское предложение структурно изменяется: первая часть становится двусоставной ‘свежесть веяла’, во второй части полнозначительный глагол опускается и ситуация приобретает статичный оттенок, что приводит к изменению коммуникативного ракурса высказывания в целом.

Обратимся к следующему примеру:

(3) *У Аратова внезапно похолодели руки и в груди задрожало* (И. С. Тургенев).

Aratov's hands had grown suddenly cold, and he felt an inward shiver (C. Garnett).

В безличном предложении описывается особое психоэмоциональное состояние человека, которое характеризуется неосознанностью и немотивированностью. При переводе русский глагол в безличной форме заменяется английской личной конструкцией с материально выраженным подлежащим. Компонент смысла, содержащий произвольность, бесконтрольность действия, полностью утрачивается.

Любопытную группу безличных предложений составляют конструкции с безлично-возвратными глаголами с постфиксом *-ся*, где на условного носителя действия / состояния указывает существительное или личное местоимение в форме дат. падежа:

(4) *Ну скорей же, скорей!* – думалось мне, – *сверкни, золотая змейка, дрогни, гром!* (И. С. Тургенев).

'Come then, quickly, quickly!' was my thought, 'flash, golden snake, and roll thunder!' (C. Garnett).

Анализируемая синтаксическая единица примечательна тем, что в ней, как в зеркале, отражается мировидение русского человека, убежденного в том, что далеко не все события в жизни поддаются сознательному контролю индивидуума. Помещение агенса в синтаксически зависимые позиции позволяет актуализировать само процессуальное состояние в отвлечении от его деятеля.

Специфика русской безличной конструкции с ментальным глаголом *думалось* проявится ярче, если сопоставить ее с английским переводным эквивалентом. Исходная фраза подвергается грамматической трансформации, снимающей глагольную безличность: *was my thought*. Подобная стратегия перевода вполне успешно передает общую семантику исходного высказывания, однако компонент смысла, покрывающий произвольность совершающегося действия и личное неучастие говорящего в этом действии, полностью нейтрализуется.

Рассмотрим еще одну контрастивную пару:

(5) *Мне не захотелось покинуть мою чистую, темную, воздушную высь, не захотелось приблизиться к этому человеческому муравейнику* (И. С. Тургенев).

I had no inclination to forsake my pure dark airy height. I had no inclination to get nearer to this human ant-hill (C. Garnett).

Русская безличная конструкция с глаголом *не захотелось*, адаптируясь под внутреннюю логику языка перевода, замещается английским личным глаголом с распространителем.

Тем не менее в отдельных случаях перевод русской безличной конструкции на английский характеризуется высокой степенью эквивалентности. Данная эквивалентность обусловлена лексически и охватывает лишь некоторые ментальные глаголы вроде *казаться*, *прийти на ум* (*to seem, to occur, to appear, to strike*).

(6) *Ему казалось, что глаза ее, сквозь прищуренные ресницы, были обращены опять-таки на него...* (И. С. Тургенев).

It seemed to him that her eyes, through the drooping eyelashes, were again turned upon him... (C. Garnett).

Особенность представленной пары состоит в том, что русский безличный предикат *казалось* переводится на английский язык формально субъектно-предикативной конструкцией с подлежащим *it*, референт которого максимально размыт и обезличен, а экспериенцер представлен, как и в оригинале, дативным дополнением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В русском языке действительно преобладает общее число ситуаций, явлений и состояний, описываемых безличными конструкциями. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что за безличными конструкциями в русском языке закрепляются важные культурно-маркированные смыслы, отражающие созерцательное отношение субъекта к окружающей действительности, которая характеризуется иррациональностью и хаотичностью.

Наиболее яркими примерами с точки зрения репрезентации языковой картины являются проанализированные в данной статье личные глаголы в безличном употреблении, а также глаголы с постфиксом *-ся*, поскольку именно эти глаголы составляют наиболее активный, пополняющийся класс, формирующий категорию безличности в современном русском языке. Помимо этого, указанные глаголы парны (то есть у каждой безличной формы есть стандартная личная форма, а у возвратно-безличного глагола присутствует активный аналог), что дает говорящему возможность выбирать из языковых ресурсов то, что в наибольшей степени отвечает его коммуникативным интенциям. Наличие безличных конструкций свидетельствует

о коммуникативной потребности «спрятать» субъект действия и описать ситуацию как произвольную, саморазвивающуюся, довлеющую над субъектом, в которую последний непосредственно не вовлечен и присутствует лишь как реципиент.

Большинство безличных глагольных конструкций русского языка переводится на английский язык личными эквивалентами: в роли подлежащего выступает лицо, которому приписывается определенное действие или состояние, либо объект, на который было направлено действие безличного глагола, перемещается в позицию субъекта и сам становится «дейтелем», агенсом, что влечет за собой грамматическую трансформацию исходного предложения и, как следствие, приводит к редукции смысла. Семантика безличности может быть лишь частично компенсирована с помощью лексических средств. Исключение составляют немногочисленные дативные конструкции в английском языке с обезличенным подлежащим, выраженным местоимением *it*, и семантическим субъектом (носителем переживания) в дательном падеже, позволяющие представить ситуацию как саморазвивающуюся и объективно не зависящую от воли человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тургенев И. С. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/ (дата обращения 10.01.2025).

² Garnett C. Dream Tales and Prose Poems [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gutenberg.org/files/8935/8935-h/8935-h.htm#link2H_4_0002 (дата обращения 10.01.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3–30.
2. Аракин В. Д. История английского языка. М.: Физматлит, 2011. 304 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Бахтикиреева У. М., Валикова О. А. «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 1. С. 184–200. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200
5. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
6. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
7. Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Флинта, 2013. 168 с.
8. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107–113.
9. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2011. 990 с.
11. Тарланов З. К. Безличное предложение как средство сжатия текста // Время языка: Сборник статей памяти профессора В. В. Колесова. СПб.: Златоуст, 2021. С. 181–192.
12. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1999. 208 с.

Valeria T. Vered, Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice
Lumumba (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0986-0229; vered_vt@pfur.ru

IMPERSONAL CONSTRUCTIONS AS A REFLECTION OF LINGUISTIC WORDVIEW

Abstract. The article explores the intralingual and interlingual (translingual) communicative potential of Russian impersonal constructions. The relevance of the topic is conditioned by the following: a large portion of cognitive research in the field focuses on lexical meaning and semantic relations between words, with little research done to evaluate grammatical phenomena as a means of reflecting the worldview. The article focuses on the functional and semantic features of the category of impersonality in the Russian language. Russian impersonal sentences are compared and contrasted with their English equivalents (selected from Ivan Turgenev's works translated from Russian by Constance Garnett and included into the book *Dream Tales and Prose Poems*). A hypothesis is formulated and proved that the communicative core of impersonality is formed by impersonal constructions in which a predicate is expressed by personal verbs in an impersonal form or impersonal reflexive verbs with the postfix *-sya* corresponding to similar active verbs without postfixes. The presence of such structures indicates the communicative need to conceal the subject of the action and describe the situation as arbitrary, self-developing, and dominating the subject, in which the latter is not directly involved and acts exclusively as a recipient. Being translated into English, most Russian impersonal constructions are replaced by English constructions with personal verbs, which leads to a reduction of meaning, and the semantics of impersonality may only be partially recreated by lexical means. A conclusion is drawn that Russian impersonal constructions play a major role in the conceptualization of reality and the creation of cultural codes that are most significant for native speakers at the given point of historical development.

Key words: impersonality, linguistic worldview, functional grammar, semantics, pragmatics, comparative linguistics

For citation: Vered, V. T. Impersonal constructions as a reflection of linguistic worldview. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1236

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. On the Moscow semantic school. *Topics in the Study of Language*. 2005;1:3–30. (In Russ.)
2. Arakin, V. D. The history of the English language. Moscow, 2011. 304 p. (In Russ.)
3. Arutyunova, N. D. Language and human world. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.)
4. Bakhtikireeva, U. M., Valikova, O. A. "Language keys": foreign cultural lexicon in the translingual (Russophonic) literary text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022;13(1):184–200. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200 (In Russ.)
5. Wierzbicka, A. Semantic universals and the description of languages. Moscow, 1999. 780 p. (In Russ.)
6. Wierzbicka, A. Language. Culture. Cognition. Moscow, 1996. 416 p. (In Russ.)
7. Gurevich, V. V. Theoretical grammar of the English language. Comparative typology of English and Russian languages. Moscow, 2013. 168 p. (In Russ.)
8. Zolotova, G. A. Grammar as a science about human. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2001;1:107–113. (In Russ.)
9. Peshkovsky, A. M. Russian syntax and linguistic theory. Moscow, 2001. 544 p. (In Russ.)
10. Stepanov, Yu. S. Constants. Dictionary of Russian culture. Moscow, 2011. 990 p. (In Russ.)
11. Tarlanov, Z. K. Impersonal sentence as a means of text compression. *Time of language: Collection of articles in memory of Prof. V. V. Kolesov*. St. Petersburg, 2021. P. 181–192. (In Russ.)
12. Tarlanov, Z. K. Formation of the typology of Russian sentences in relation to ethnophilosophy. Petrozavodsk, 1999. 208 p. (In Russ.)

Received: 21 January 2025; accepted: 2 June 2025